

Кузнецова Юлия Сергеевна

Новгородская область

МАОУ «Гимназия №3»

11 класс

Рег. № 3168

Ак

## ТЕТРАДЬ

для \_\_\_\_\_

учени \_\_\_\_\_ класса \_\_\_\_\_

\_\_\_\_\_ школы \_\_\_\_\_

51799

1890  
1891  
1892  
1893  
1894  
1895  
1896  
1897  
1898  
1899  
1900

1901



ший за день Долов возвращается в свой кабинет и продол-  
жает работу над научной статьей о символически геральди-  
ке в поэме "Медный всадник". Стоит отметить, что ав-  
тор очень критикует, описывая признаки усталости своего  
героя: ему докучали приключения Гродековской и поэт Само-  
сейский; первый - потому что его величают исчерпанно суровы-  
ми деталями биографии Пушкина, второй - потому что его  
стихи о великом поэте (наверняка второсортные, раз Критианов-  
ский так ибредно пишет "в газете такой-то, там-то, тогда-  
то и как раз то-то") не напечатаны в альбоме музея. Но  
самая большая причина заключается в том, что и научная  
статья Долова, которую он пытался закончить уже вторую  
раз, посвящена не самой важной теме, которую можно  
отослать в лисографской поэме "Медный всадник". Вероятно,  
и сам Долов понимает бессмысленность и нецелесообразность такой  
статьи, поэтому и не может никак закончить и спокойно  
переходит к другой, куда более обширной - и интересной! - теме  
Попалур, уже даны у ордина Долова и дошедших ему людей  
можно вытащить авторские отношения к литературоведению  
как к науке, которая никак не исследует совсем не то, что можно  
было бы узнать подробнее, а откровенно лишние вещи, но  
Критиановский не останавливается на этом. Он идет даль-  
ше и прибавляет к интересному композиционному приему

очень!

p! K5-

Пространство распада можно условно разделить на две части. Первая часть - это реальность. В ней существуют мифы Пушкина, статьи, выдержки из которых автор так демонстрирует, точная нумерация рабочих рифмов кота (и пусть эта нумерация условна, она всё же есть и придает тексту обилие). Вторая же часть - это фантастический мир. Этот мир берет начало с миста Булгака, но в воображении Далева (хоть граница между двумя частями и не выразена ясно, мы всё же понимаем, что герой ушёл) разрастается до небывалых широт. В фантастическом мире обитает шарнированный кот, у него отрастают крылья, и он, в общем-то, превращается в кобальта - кошара из древнерусской мифологии. Там же появляются и сам Пушкин. В этом же мире существуют и целые гротескные фигуры: Проценковского и Самосейского. Мелким шрифтом, пространство фантастического мира по сравнению с миром реальным очень сильно увеличено, и основной художественный смысл сосредоточен большей частью именно в фантастике.

+ K1

+ K1

несколько слов!

Для начала рассмотрим образную систему фантастического мира. В ней, кроме уже встреченных Далева, Проценковского и Самосейского, появляются новые герои. По-первых, разумеется, кот, отливший и вылетевший со страниц

р! не по слову! Визуальный поэт без вадрика. Его обращение реально: А.С. Пушкин действительно нарисовал кошку под сердцем, но без сердца, в конце поэмы "Медный вадрик". Разумеется, поэт выкладывал в такой ризик избитый смысл, но у Критичановского кошке существует не то, что у Пушкина. На мой взгляд, у Критичановского летящий кошке с сердцем, брызжащим из-под копыт, - это вихревание в митом виде, неграмматическое творческое слово. Сердце и ушко на кошке - вихревание говорит о том, что он готов покориться творческому человеку (в данном случае - поэту), готов открыть свою тайну, готов помочь в создании вычужденных, выходящих, удивительных стихов. Но кошке напружен, покорение только достигнуто. Так, он отверг Гроздковского и Самосейкина с их логичными и ценными статьями и стихами, но принял поэта, создал великие стихи. Восхищение Далева "Иппокрени", думаю, связано с тем, что он начал понимать значение происшедшего... и незначительность своих действий. Но об этом позже.

В драматическом мире существуют еще два образа, которые, на мой взгляд, важны. Первый образ - это человек в белой тоге с вышитыми табличками и стилосом в руках. Второй - человек в сером ортуке и с хлыстом, с улыбкой выискивающий в воздухе стихотворные строки.

А думаю, что оба человека — Пушкины, но Пушкины разных  
времен. Улыбающийся всаркин, широкоротый и немы-  
сленно-вдохновенный, — это ранний Пушкин, чьи стихи звучали  
глаголом, вдохновенно и повелевательно. Человек в тоге-  
порфиры, философский Пушкин, омысливающий жизнь свою и  
жизнь окружающих. Только часть абстрактного философ в  
тоге (почти просветитель) занимается — выжаривает (это поэзия)  
на вощеных табличках. Два возвышенных, идеальных  
образа, обверженных с вдохновением — величайшая, величи-  
тельная картина. И ее мочаловое величие вновь грубо  
нарушают Фрагментальный и Самоуверенный! Они не задают  
вопросов о ширине смысла, о художественном слове — нет,  
они всего лишь ищут глупая „маленькая справка“ о  
точности, но неважной даже для автора. Абсурд! Это  
литературовед и поэт, „любитель муз“.

Если теперь посмотреть на фрагментарный мир в  
целом, то можно увидеть, что он полностью построен на  
противопоставлении. Возвышенное вдохновение „высоко над  
италийскими красными матами“ противопоставлено примитивно-  
му наблюдателю, истинная поэтичность Пушкина — логикой  
Самоуверенного, смысловая ватность спорных деталей — ко-  
панию в неупущенной обобщенной шее.

Зачем же автор расширяет мир реальным и фраг-

+

K<sub>1</sub>+

великолеп-  
ная? ♪

K<sub>1</sub>+

K<sub>3</sub>+

тастический сон? Думаю, это необходимо Критицистическому для более яркого расставления акцентов. Таинственные элементы себе оправдали ещё во времена Гюго с их знаменитым "Человек". В "Рушине пером" фантастика необходима для того, чтобы, вверг в сюжет шагающего Пушкина, ещё сильнее прищипнуть прессю копаний в деталях просто ради деталей. Смысл, можно сказать, такой: зацепившись за одну деталь, которая на деле может много не значить, ценимо для пишущихся, литературоведы цудре-тают у неё цию историю, по цти, навевывая свои домы-мы самому автору.

И здесь мы возвращаемся к вопросу: можно ли считать рассказ С. Критицистического оценкой литературоведению как науке? Рассказ заканчивается очень забавно: Девчонка просыпается, но вместо статьи о рижских Пушкинах, о которой она попросила цти раньше, бубвалыно за сисислено голов пишет целый фантастический рассказ. Фриво-редация не также отговаривала цудранию. В этом эпизоде я вижу, как человек, поймавший гайтину цтими-ного вихованье у шпокримы (т.е. у собственного сна, и мы-потом всего рода цтосики вихованье), остальные цпопомыши, потому что редация привыкла цмграть только научным цтискамие о цем<sup>е</sup> символизме и играх

дике, а уж точно не фантастику. Так что, я думаю, ~~это~~ считать оценкой можно. В Делеве мне видятся наши-то автобиографические черты самого Критиановского. Вынужденный заниматься литературоведением писатель, как часто он попадал в похожие ситуации? Как часто видел людей, подобных Фраумовскому и Самосейскому? Думаю, раз уж написан целый рассказ, это скорее не эссеистика, а творческое восприятие позволило выразить свои мысли не сухой статьей, а написав целый прозаический рассказ, над которым можно и улыбнуться, и подумать.

K<sub>1</sub>T

Искусственность вынужденного литературоведения тоже можно проверить по тексту, или говорить и о нем об отношении автора к такому занятию. Критиановский дает выдержку из статьи, которую две недели назад читал Делев. Сразу видно, что наши-меритский стиль - непонятное дело, не те слова, какими Делев привык писать или думать. Перед на папки с рукописями Пушкина, он уже мечтает, все мыслях мало того что звучит любовь к ~~писателю~~ <sup>писателю</sup>, так еще и язык совершенно иной, образный. А потом Делев и вовсе пишет целый рассказ и уж точно не эссеистикой. Такая метапроза - тоже своего рода элемент сущности. Для Критиановской научная

K<sub>5</sub>-

Ф K<sub>4</sub>-

K<sub>1</sub>+

речь статей ибестовства. Ему вонше худомстванше  
любо и твердешше сведога.

нешироко

Для Кримиановского твердество (и поэзия, и писатель-  
во) - это как рисунок пером, и это дано вшесело в иду  
ваше рассказе. Рисовать пером сложше, лишше поуча-  
ются радше толщине, опасность есть именьше жалить  
пером готовый рисунок, но у-пор пера могут выйдети  
перевры. Так и <sup>любим другим</sup> твердеством. Всегда есть риси всі и-  
портити, но вниманше и маистерство приходит, если очен  
постараться.

Тан что не хотел шкрать симулиур Кримиановского  
ваше рассказе „Рисунок пером“? Вашу мысль хотел до-  
вести, столкнув образ великого поэта с литературоведо-  
м, жившим спуте сто лет после того поэта? Чю  
мой бред, это мысль о том, что литературоведение -  
это не только структурной анализу деталей, оно и в исе  
шрше не должно тамше быть. Нельзя механически иша  
текст, чтобы выискать в нем все мало-мальше значе-  
мые авторские приемы. Литературоведение должно быть  
направлено и на чувствашше восприятие произведений поэты  
и читателей, на омыление и пониманше тех моментов,  
которые действительно хотел довести автор, а не дол  
ливать ро. ишо.

„Долой из литературы верные грациозности!“ -  
как бы говорит Крижановский, ринув образ профессо-  
ра-пушкиноведа, которому интересны наши-то мелкие  
даты, а не смысл стихотворений, который умудряется  
ставить под самые образный язык Пушкина, потому  
что, видите ли, в месте вранья наше что-то мало „бли-  
тать“ . „Долой самоисейных!“ - говорит автор, введя  
поэта со стихами, напечатанными где-то там. Само-  
сейные не понимают своей целостности в той или иной  
литературной ситуации, а хотят, вырвавшись современи-  
ным ужом, только пролить глубоко уватанчивающим твер-  
дость цементом. И остаются только испуганный Долов,  
иногда не дописанный статью и с раскладом, на который  
редакция первоначально пошла глазами... Грустная кар-  
тина.

K5 -

2 K5 -

Удивительно искренний, <sup>?</sup> но глубокий расклад. Инте-  
лигент и интуитивная улыбка Пушкина, устремленного на  
полю, трогает до глубины души: как бурно поэт пережива-  
ет, почему ~~то~~ потешив так величают внешне ~~во~~ мелочи,  
почему им так важно знать, где и когда, а зачем и как. Да  
и в целом расклад искренний, даже мелочью с надетой на  
лучший выход, чем нынешнее положение вещей: ведь Долов  
понимает необходимость углубленного изучения в деталях и,

K5 -

может быть, его понимание рано или поздно выльется  
в новую школу литературоведения. Тогда, быть может  
и не придется больше прощупывать...

$K_1 - 25$   
 $K_2 - 11$   
 $K_3 - 8$   
 $K_4 - 3$   
 $K_5 - 3$

50

Автор анализирует произведения  
на всех уровнях, вмешивает их  
в литературно-культурный контекст  
и не использует всех автор-  
ских осыев и намеков. Но  
сильно преувеличение, его много  
знавшие сразу оспорят понимание и доносят до  
читателей. Ему мешают речевые ошибки,  
одежды не готовые замечания и комментарии  
но в целом работа интересная, коммунистичная  
вскрывающая не периферийная критическая  
и субъективными оценочными пассажами  
есть.

Курдюков А.В.   
Рожкова Т.В. 